

ФЕНОМЕН АНТИЧНО-АЛЛЮЗИВНОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТРАГЕДИЯХ ШЕКСПИРА

Е.М. Кирякова

В данной статье анализируется явление античной аллюзии в шекспировском тексте в разноаспектном рассмотрении. Под разноаспектной интерпретацией мы понимаем синтез семасиологического, семиотического, когнитивного анализов и экстраполируемую на них герменевтическую интерпретацию.

Ключевые слова: аллюзия; мифоним; мифологема; интертекстуальность; трансцендентальность; метафоризация; гиперсемантизация.

При всей своей парадигматической референционной ограниченности аллюзив-мифоним в шекспировском тексте подвергается семантическим преобразованиям: метафоризации, символизации и трансцендентализации.

Аллюзивы-мифонимы в шекспировском тексте, представляя трансцендентальные сущности, иррационализируют его трагическое начало [2].

Мифологические образы понимаются как реально существующие. Изучение мифологии в рамках европейской традиции познания началось еще в эпоху классической Греции (когда возникла философско-символическая концепция Платона) [4].

Мифологема сопрягает в одном плане выражения два или более пласта содержания, один из которых соотносится с персонифицирующим мифологическим именем, а другой (другие) – с символизированной сущностью. Мифологическое имя (мифоним) – это сложный знак, где за одним означаемым стоят два понятия, где нераздельны не только означающее и денотат, но и несколько означаемых (например, мифоним Эос включает представление о богине зари, о заре как наблюдаемом явлении и о соответствующем времени суток).

Мифологема имплицитно включает в себя повествование, мифологический сюжет. Так, мифоним Нарцисс подразумевает повествование о юноше, влюбленном в свое отражение в воде и погибшем от этой любви.

По мнению Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [4].

Разновидностью интертекстуальности является аллюзия. В энциклопедии Кругосвет под аллюзией понимается наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам.

Творчество Шекспира имеет в своей основе поэтический взгляд на мир, сказочный элемент присутствует во многих его произведениях. Шекспир окружает ореолом поэтичности даже самые повседневные явления жизни. Попав в орбиту его поэтического мышления, они обретают особую значимость и включаются в вечный круговорот, в котором пребывает все живое. И так как связь вещей сложна и не сразу улавливается мыслью, то на всем оказывается налет некой таинственности. Поэтическое видение мира, присущее Шекспиру, постоянно открывает в жизни чудесное. В трагедиях Шекспира присутствует множество античных аллюзий, создающих неповторимую мистическую атмосферу.

В постмодернистской текстологии одним из фундаментальных терминов становится трансцендентальное означаемое. «Трансцендентальному означаемому» приписываются особые, незнакомые свойства самообнаружения – в интуиции, в непосредственном знании. Мифологические сущности есть трансценденции.

Терминами «трансцендентное», «трансцендентальное» И. Кант обозначал, то, что выходит за пределы возможного опыта (бог, душа, бессмертие), т.е. относящийся к априорным (вне – опытным или до – опытным) условиям возможности познания.

Трагическое и его выражение в трагедии трансцендентальны. Фридрих Ницше говорил о трагическом как об изначальной сути бытия, иррациональной и хаотической. Трагедия – это философское искусство, ставящее и решающее высшие проблемы жизни, смерти, власти [3].

В шекспировских трагедиях много потустороннего, сверхъестественного, иррационального, в существование которого верили зрители елизаветинского театра. Герои шекспировских трагедий чувствуют мистическую связь с людьми, животными, растениями, связь между прошедшими, настоящими и будущими событиями [1].

Посредством компонентного метода, основного в семасиологическом анализе, мы можем выявить набор СК (семантических компонентов), передающих трансцендентность шекспировского текста. В этой парадигме ин-

тегрирующим СК является СК «трансцендентность», который можно разложить на составляющие СК: «ирреальность», «сверхъестественность», «потусторонность», «надмирность», «неизреченность», «магия», «волшебство», «мистика» и т.д. [2].

Семасиологический анализ формализует расплывчатую интуицию, на которой базируется герменевтическая интерпретация.

Под трансцендентализацией аллюзивов-мифонимов мы понимаем расширение их семантического содержания благодаря появлению в нем синтагматического СК «трансцендентность».

В нашем исследовании мы оперируем понятием знака. Знак – сигнал, несущий закодированную информацию. Знак – чувственно воспринимаемый предмет, отсылающий к другому предмету. Знак не заменяет, а замещает обозначаемое [3].

Знак – иррациональный символ, представляющий трансцендентные сущности. Трансцендентные сущности это ирреальные семиотические сущности, знаки запредельного, нереференционного.

Шекспировская трагедия, как и любой художественный текст, является системой знаков, кодирующих художественную информацию, и системой внезнаковых образований – художественных образов, которые могут быть символическими. Такое преобразование текстового знака может быть интерпретировано семасиологически, когнитивно и герменевтически.

Трансцендентность шекспировского текста создаётся многими средствами, в том числе и образной системой, в которую входят и аллюзивно-мифологические образы.

В искусстве античности боги и другие мифические существа оказывали роковое влияние на человеческие судьбы. В произведениях Шекспира фантастические существа уже не определяют судьбу людей, а лишь сопутствуют реальным событиям, придавая особый оттенок всему происходящему, намекая на неизведанные тайны жизни. Это не только усугубляет поэтический колорит произведений Шекспира, но и является одной из сторон мироощущения Шекспира. Мир для него полон чудес, и его поэтическое воображение воплощает это в причудливых фантастических образах, заимствованных из фольклора или мифологии. Иррациональные мифологические сущности трансцендентализируют шекспировские трагедии. Таковыми являются образы греческих и римских богов: Jove, Juno, Venus, Fortune, Apollo, Helios, Mars, Mercury, Neptune, Diana, Vulcan, Bacchus.

Семантика аллюзива-мифонима в шекспировской трагедии претерпевает значительные изменения. Аллюзив-мифоним имеет определенную уникальную референциальную отнесенность, что сужает область его означивания. Метафоризуясь в художественном тексте, аллюзив-мифоним отражает множественный, уплотненный художественный смысл.

В шекспировских трагедиях преобладают метафоры-персонификации. Под персонификацией мы понимаем лингвистическую репрезентацию концептуального процесса антропоморфизма, олицетворения бестелесного. В шекспировском тексте нет пределов персонификации.

В основе персонификации аллюзивов-мифонимов лежит метафорическая концептуальная модель трансцендентальной сущности – человек. Метафора, способствующая образованию непредсказуемых межфреймовых связей, рассматривается как главное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа.

Использование семасиологического анализа позволяет выявить широту семантической структуры аллюзива-мифонима, его метафоризацию и гиперсемантизацию.

Использование семиотического анализа позволяет декодировать такие яркие символы как, например, Геката в «Макбете» в сцене перед убийством Дункана:

Macbeth:

Now o'er the one halfworld
Nature seems dead, and wicked dreams abuse
The curtain'd sleep; witchcraft celebrates
Pale Hecate's offerings, and wither'd murder,
Alarum'd by his sentinel, the wolf,
Whose howl's his watch, thus with his stealthy pace.

и далее после сговора с убийцами:

Macbeth:

There's comfort yet; they are assailable;
Then be thou jocund: ere the bat hath flown
His cloist'ed flight, ere to black Hecate's summons
The shard-borne beetle with his drowsy hums
Hath rung night's yawning peal, there shall be done
A deed of dreadful note.

В греческой мифологии Геката – богиня мрака, ночных видений и чародейства. Геката – древнее хтоническое божество, которое сохранило свои архаические функции, даже было глубоко чтимо самим Зевсом, войдя в число богов, помогающих людям в их повседневных трудах. Ночная страшная богиня, с пылающим факелом в руках и змеями в волосах, Геката – богиня колдовства, к которой обращаются за помощью, прибегая к специальным таинственным манипуляциям. Геката связывает два мира – живой и мертвый [4]. Она – мрак и вместе с тем лунная богиня, близкая Селене и Артемиде. Гекату можно считать ночным коррелятом Артемиды; она тоже охотница, которую сопровождает свора собак, но ее охота – это мрачная, ночная охота среди мертвецов, могил и призраков преиспод-

ней. Геката близка Деметре – жизненной силе земли, Персефоне – олицетворению подземного мира. Образ Гекаты совмещает мир героической мифологии и архаический демонизм.

Геката репрезентирует одновременно несколько семантических полей, представляемых ключевыми лексемами, которые могут истолковываться как маркеры этих полей (например, к семантическому полю смерти можно отнести слова: *dead, pale, murder*; к семантическому полю ужаса – *dreadful, howl, black*; семантическое поле мистики представляют такие лексемы, как *witchcraft, howl, bat, beetle*, несущие в себе ассоциации с поверьями, колдовством, ведьминными зельями). Геката у Шекспира является властительницей ночных видений (так как она являет Макбету кинжал накануне убийства).

Шекспировские трагедии глубоко символичны. Герменевтика толкует шекспировскую природу как символическое бытие, форму выражения божественного откровения. В художественном тексте, в частности, в шекспировской трагедии, семантическое содержание аллюзива-мифонима модифицируется под влиянием контекстуального окружения и жанровых особенностей текста.

Интертекстуальность рассматривается как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов. В шекспировских трагедиях наиболее полно она представлена в аллюзиях-мифонимах, мистифицирующих и иррационализирующих повествование. Таким образом, аллюзивы-мифонимы являются важными составляющими трансцендентального начала шекспировской трагедии, концентрируя в себе огромный потенциал человеческой мысли, воображения, фантазии и энергии.

Библиографический список

1. Аникст, А.А. Творчество Шекспира / А.А. Аникст. – М.: Издательство художественной литературы, 1963. – 178 с.
2. Барт, Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1980. – № 9. – 452 с.
3. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – изд. 4-е, доп. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
4. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 519 с.

[К содержанию](#)